

Из книги «Что музыка»

Пока идёт заслуженный февраль,
пока ты долго переходишь поле,
мне сердце своё тёплое отдай,
оно не будет чувствовать nevoли.

И если ветер пикой не пронзит,
и если снег с макушкой не засыплет,
я буду говорить: младенец спит,
не разбудите.

И так мы пересилим холода,
так тайной тропкой проберёмся к марту,
где нас возьмёт огромная вода
и смочет с карты.

Мы поплывём за самый горизонт,
за далью-даль, за дважды-два-четыре,
где только бог отыщет, подберёт,
рассмотрит, оботрёт от пыли,
покрутит, что-нибудь шепнёт
и снова потеряет в мире.

Из подворотен, драк, пустых бутылок,
квартир, вокзалов, огородных грядок
выскальзывали, как пустой обмылок,
развеивались, как сухой остаток.

Разбавленным вином струилось время,
десятилетиями не приходила почта,
и выросло другое поколение
и на земле обосновалось прочно.

На сквозняке не заболеть деревьям,
реке, не уставая, течь веками.

Эпоха-прялка спрашивает: где я?
Цыганка-память отвечает: с нами.

Я всё забыл. Мне нечего сказать.
Избавь меня от этой пустоты.
Вот было время... Вот оно опять.
Идёт, и у него твои черты.

Постой, остановись-ка, дай тебя
Как следует запомнить, рассмотреть.
Возможно, правду люди говорят
про то, что память побеждает смерть.

Но даже если так, то что с того,
зачем она, когда на свете пусто?
Я ничего не помню, никого.
Куда важнее памяти искусство.

Смотрю в окно, оно вмещает всё,
всю милость мира, искренность и нежность,
стихи, кино и эту... как её,
и музыку, и музыку, конечно.

Уже почти вошло в привычку
не спать полночи, вот опять...
Стихи – ночная электричка:
отходит в час, приходит в пять.

И вроде бы всё как обычно –
весь день на завтра хочешь спать.
Стихи – больная электричка:
лечить, снотворное давать!

Представь, что всё это в кавычках:
чужой багаж, ручная кладь.
Стихи – пустая электричка,
но вот она слышна опять.

Стучит в висках, кричит по-птичьи,
гремит и не даёт уснуть –

моя любимая электричка,
вези меня куда-нибудь.

Это самое... личное дело,
изучая которое, ты
никогда не дойдёшь до предела,
не достигнешь другой стороны.

Докопаешься вряд ли до сути
и не вынесешь верный вердикт
никогда, потому что по сути
это просто большой черновик.

Он клубится лозой винограда,
разбегается ртутной водой,
и из этого круглого ада
никому не вернуться домой.

Потому что заходит под кожу,
потому что выходит уже
через поры – отчётливей, строже
на последнем своём этаже.

Б.П.

Ещё не осветило полностью
деревню августовским солнцем,
качались на верёвке простыни,
шумели за оградой сосны.

Сон отлетел, как привидение,
я вышел посмотреть на звёзды,
на их мерцание, движение,
на их сияние сквозь слёзы.

И что-то чудилось нездешнее,
что без конца и без начала,
как будто музыка небесная
в рассветном мареве звучала.

А этот свет пунцовый, истовый,
как будто сам собою созданный,
всё рос и ширился как истина,
и наполнял окрестный воздух.

Потом залаяла собака,
проснулся сын, и мы без повода
читали «Август» Пастернака,
и не хотелось ехать в город нам.

Позавтракали, вышли из дому
и побрели до леса тихо.
Туман рассеивался исподволь,
и вспыхивала облепиха.

Мы шли вдвоём навстречу осени
сквозь время и пространство лета,
и август провожал вопросами,
не требующими ответа.

В подробных сумерках дробится,
переливается вода,
блестит, как белая страница,
тарелка стылого пруда.

Луна плывёт как на ладони,
рифмуется сама с собой,
и кажется, что пруд бездонен,
как этот космос голубой.

Всё замерло, но сердце бьётся,
вселенной убыстряя ход,
и лес стоит, не шелохнётся,
а воду оторопь берёт.